

Виктория Мальцева

Моногамия. Книга 2. Муж



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
М21

Мальцева В.

Моногамия. Книга 2. Муж / Мальцева В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 293 с.

ISBN 978-5-532-05224-6

Алекс увозит Валерию с детьми в США, но в новой семье счастья тоже нет – слишком они разные, слишком сильны обиды и осколки их прошлого. Теперь Алекс и Лера женаты, но живут в разных комнатах и, если пересекаются, всегда ссорятся. Очень скоро Валерия обнаруживает свою главную угрозу – женщин. Их всегда было много вокруг Алекса, соперницы повсюду и твердят одно: «Ты в его жизни временно и ненадолго. Что может дать такая холодная и некрасивая женщина, как ты, такому яркому и горячему мужчине, как Алекс?». Любовь, которая не только обнимает и лелеет, но и больно жалит. Любовь до самого конца... до последнего вдоха... Моногамия

Содержание

Глава 1. Мужские решения	4
Глава 2. Перемены или точка отсчёта № 2	9
Глава 3. Начало нового	12
Глава 4. Party	20
Глава 5. Крепость	26
Глава 6. Обманутые ожидания	34
Глава 7. Особенная	45
Глава 8. Уверенность	54
Глава 9. Я всё скажу тебе в моих песнях	67
Глава 10. Ла Пуш	73
Глава 11. Сейшелы	84
Глава 12. Шутка	115
Глава 13. Мерседес	138
Глава 14. Незапланированные уроки	152
Глава 15. Гармония	164
Глава 16. Счастье	171
Глава 17. Близость	192
Глава 18. Сюрприз	202
Глава 19. Наталья	207
Глава 20. Анна	213
Глава 21. Родители	233
Глава 22. Николь	236
Глава 23. Свобода	249
Глава 24. Оксюморон	280

Глава 1. Мужские решения

Мужчина, способный на поступки, обречён быть любимым.

Коко Шанель

Мой муж Артём никогда ещё не видел меня настолько раздавленной. Испугавшись, он переступил через свою обиду и спросил:

– Что случилось, он умер что ли?

– Нет, – отвечаю, – он «жив, здоров и даже довольно упитан». Артём, я устала. Я устала так, как не уставала ещё ни разу в жизни. Пожалуйста, не спрашивай меня ни о чём ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшие дни. Я всё расскажу, но позже... как только приду в себя.

Мою душу после всей этой истории можно сравнить с тряпкой, с которой долго и очень весело играли щенки – всё ещё существующая, но до неузнаваемости изорванная и грязная. Однако моя душа живуча, как кошка, и я знаю, что она восстановится, зализет раны.

В первый месяц ещё очень тяжело: перед глазами то и дело всплывает больничная кровать, болезнь, слабость, смерть, которая дышит мне прямо в лицо, а я упорно не принимаю её и гоню. Я не сдалась, но никто и никогда не поймёт, чего мне это стоило. Об унижении, которым завершилась моя миссия, стараюсь вообще не думать – будто это и не происходило вовсе. Жизнь давным-давно научила меня не вспоминать о вещах, способных глубоко ранить – так надёжнее, безопаснее для целостности моего «Я», это мой способ защиты от всего плохого.

Спустя месяц становится легче: жизнь входит в своё русло, нагружает работой, втягивает в привычную повседневность. И только по вечерам, читая дочери книжку на ночь, я совсем не понимаю прочитанных слов, потому что мысли мои в эти моменты далеко – в огромном стеклянном доме на противоположном конце планеты.

Через три месяца я уже вновь полноценный гражданин общества – активный и ментально целостный. Ничто не забыто, но болезненные события отделились уже достаточно, чтобы не ранить, накрылись вуалью времени и рисунком той жизни, которую я проживаю

теперь. И я по-настоящему теперь ценю Артёма – понимающего, прощающего, понятного, простого, надёжного. В нашем доме тепло и уют, в нашем доме мир и покой.

Mecca Kalani – Feel me

Это случилось в марте, в полный солнечного света, но при этом холодный и мокрый вечер.

Подъезжая к дому, я вижу припаркованный на противоположной стороне дороги чёрный Порше. Сердце мгновенно пронизывает укол, а это плохой знак, очень плохой. Ничего хорошего не случается в моей жизни, когда я его ощущаю – он всегда предупреждает меня, готовит.

Выхожу из машины, оглядываюсь на стоящий неподалёку Порше. Ветер терзает мой шёлковый шарф, набрасывая его и волосы мне на глаза, мешая видеть. Днём лил дождь, и прояснилось только сейчас, ближе к семи вечера: небо всё ещё затянуто серо-сиревыми облаками, но над горизонтом их нет, и заходящее солнце слепит мои глаза оранжевым светом.

Я слышу, как открывается автомобильная дверь и... время словно останавливается, погрузив мир в оглушающую тишину. Всё, что я слышу – это гулкие удары собственного сердца, потому что, хоть и не могу видеть, всем своим существом чувствую и ощущаю ЕГО.

Не сразу, но беру себя в руки: отбрасываю с лица шарф и прищуриваюсь, чтобы убедиться в своей правоте – одетый в чёрную кожаную куртку Алекс стоит в своей обычной позе, прислонившись спиной к двери машины, и ждёт, что подойду.

А я не хочу подходить. Я не желаю даже знать его.

Достаю дочку из автомобильного кресла, и она сразу бежит в дом, затем забираю пакеты с продуктами из багажника, закрываю машину и, не оглядываясь, направляюсь домой.

Я ещё не знаю, что дома у меня больше нет.

В тот момент, когда тепло до боли знакомых пальцев касается моего запястья, моё «нечто» уже не колет меня изнутри, а буквально разрывает на части:

– Не стоит туда идти... – слышу его негромкий голос.

Разворачиваюсь и теперь, наконец, вижу то, что так боялась увидеть: за эти месяцы он вернулся, снова стал собой и каким-то непостижимым уму образом ещё более красивым. Болезнь оставила в его глазах отпечаток особой мудрости, ещё большей проникновенности, глубоких, недоступных остальным людям знаний, истин, которые заставляют смотреть на жизнь иначе и видеть в ней то, что скрыто от других.

Алекс некоторое время молчит, ждёт, пока посмотрю в глаза, а я не могу оторваться от его виска и едва нависающей над ухом пряди волос, завитой в чёрное блестящее полукольцо – всё-таки отросли.

– Я рассказал ему, – тихо произносит.

Моё сердце отделяется от связывающих его со мной вен и артерий, срывается вниз и ударяется о мокрый песок под моими ногами:

– Что рассказал? – спрашиваю шёпотом, чтобы Бог нас не услышал.

– Всё.

– Что «всё»? – и вот теперь мой голос, пронзительный, словно нож мясника, разрезает мартовский воздух.

Я не вижу ни идеальных черт его красивого лица, ни силы, вернувшейся в его тело, ни завораживающей игры ветра в прядях его волос. Я вижу только тёмные карие глаза и в них – ожесточённость и решительность. Его голос негромок, но безапелляционно принимает самые главные решения за меня:

– Как мы были вместе два года, как встречались, как ты любила меня, как ты была со мной. Я сказал ему, что забираю тебя. Навсегда!

Это уже слишком. Я хочу быть умной женщиной и стараюсь читать полезную литературу, например, ту, которая учит, как управлять гневом, сдерживать его вовремя. И я практикуюсь, постоянно тренируюсь, и у меня уже очень здорово получается! Так здорово, что я прямо горжусь собой!

Но не в этот раз.

Размахиваюсь, и моя рука со всей тяжестью боли, страхов и переживаний, связанных с его болезнью, со всей ненавистью за унижение, со всем сожалением о моей, только что разрушенной семье, главное семье – моей любимой, моём тыле, моей тихой гавани, кото-

рая укрывала меня от всех бед, которая единственная радовала меня в последнее время... со всей этой тяжестью моя рука оказывается на его лице.

Алекс сгибается, закрыв лицо ладонями, а когда убирает их, я вижу кровь – она вытекает из его носа, сочится из разбитых губ. Он пытается вытирать её, но кровотечение слишком сильное.

После всего, что я видела, после того, *каким* я его видела, мне сложно дышать, меня будто схватили за горло и с силой сжимают, душат. Теперь уже я закрываю своё лицо руками, земля уходит из-под ног, и мне совершенно не на что опереться: семьи нет, Алекса после этого тоже не будет, ведь он так ненавидит насилие! Для него ничего хуже насилия нет!

Его руки в крови... она капает с запястий и впитывается в грязный мокрый песок, а я, словно в трансе, не могу оторвать от этой картины глаза. И именно в это мгновение внезапно осознаю, что готова опрокинуть мир за каплю этой крови. За то, чтобы удержать её в его живом теле.

Ватными руками стягиваю с шеи шёлковый шарф и протягиваю ему, а он спрашивает:

– За что? За эти три месяца или за твою семью?

И я, глядя ему в глаза, отвечаю:

– И за то, и за другое...

– Кто-то должен был разрубить этот чёртов узел! – жёстко, металлически объясняет и сплёвывает кровь. Она у него и во рту, и на губах, подбородке, шее – везде.

Я в ужасе от того, как сильно разбила ему лицо. Как будто это не я, а моя рука сама по себе оторвалась от меня со своей карой. А он продолжает:

– Мне нужны были эти три месяца, чтобы развестись. Ханна подготовилась уже очень хорошо: тех фоток, которые она наклепала, хватило бы для любого суда, чтобы оставить меня ни с чем. Ты стала бы жить со мной в шалаше?

Я молчу, потому что у меня шок: всё это время он разводился? А позвонить, написать, объяснить всё не мог? Выяснить это нет ни сил, ни желания, и единственное, что мне важно знать:

– А ты думаешь, нет?

Я забираю из его рук шарф и мягко прижимаю к его губам. Промокнув, начинаю осторожно стирать кровь, и она, словно знает, что со мной бесполезно спорить: подчиняется, перестаёт сочиться.

Всё то время, пока мои руки приводят в порядок его лицо, устраняя то, что сами натворили, Алекс смотрит на меня своим пронзительным взглядом и думает, наверное, какая же я дура. А я думаю о том, что всё повторится: я сломала его, я же и собрала заново. Ппустила ему кровь и сама же её остановила. В мою тяжёлую от случившегося голову впервые проникает мысль о существовании некоторой моей власти над этим человеком, однако понимание, как правильно её использовать, придёт ещё очень нескоро.

Глава 2. Перемены или точка отсчёта № 2

Don't Deserve You – Plumb

Дальше всё развивается так быстро, что я не успеваю осознавать происходящее. Мне кажется, будто я мчусь в кабриолете на бешеной скорости по шоссе своей жизни, и у меня вот-вот сдует голову.

Алекс развёл нас с Артёмом за три дня через суд, который длится у обычных людей месяцами или даже годами. На четвёртый день мы зарегистрировали с ним брак, и я взяла его фамилию. Вся эта поспешность была продиктована только одним: моим детям срочно нужны были американские визы. Алекс не считал денег; ему называли суммы, а он только спрашивал о сроках и сокращал их вдвое. С ним не спорили, пасуя перед его решительностью, а я в ужасе наблюдала за тем, как быстро при наличии особенно больших денег решаются судьбы живых людей. Купить можно всё: и честь, и достоинство, и семью с детьми.

Но самый мерзкий след остался в моей душе от того, как мой новый муж обошёлся с прежним: Алекс забрал детей у Артёма, надавив на все кнопки одновременно. Он сказал, что всё равно найдёт способ их вывезти без согласия отца, и что Артём прекрасно это знает. Вопрос в цене и времени, и из двух этих ресурсов Алексу важно только время – оно ограничено. Если Артём добровольно подпишет согласие на вывоз детей, ему будет обеспечена виза США и работа в Сиэтле поблизости от нас, чтобы он мог в любое время видеть сына и дочь. Контрольным ударом стало обещание, что Алёша с Соней получат лучшее в мире образование и самые широкие возможности. Случившееся подкосило человека, с которым я прожила двенадцать лет, Артём выглядел настолько жалким, что мне захотелось утопиться, только бы заглушить угрызения совести.

И хотя этот их разговор состоялся не при мне, знала я о нём практически сразу – Артём сам рассказал. Он был в ужасе от того, с кем мне и детям предстоит теперь жить: Алекс танком прошёл по

нашей семье, чувствам моим и моих близких, а я, словно заспиртованная лягушка в банке, безвольно наблюдала всё это со стороны. Все решения принимались за меня и без меня, я только ставила свою подпись в указанном месте. Неудивительно, что Алексу удалось так разбогатеть – люди вели себя с ним иначе: строптивые соглашались, смелые трусили, нерешительные решались.

Всего через неделю американские визы были вклеены в паспорта детей, моя же оставалась в силе ещё с сентября. Алекс приказал взять с собой только самые необходимые вещи – одежду и остальное можно купить и в Штатах, а я, как зомби, просто делала, что он говорил.

Прямо перед отъездом мы заехали к моим родителям – знакомиться. Алекс... Алекс – это человек, в совершенстве владеющий инструментом «обаяния». Наши с ним разногласия и недопонимания – это наши с ним разногласия и недопонимания, а для моих родных Алекс в высшей степени внимательный, улыбочивый, обворожительный мужчина, и весьма неожиданно – мой новый муж.

Когда мама – человек, призывавший мою совесть проснуться в течение двух самых счастливых в моей жизни лет, не единожды слёзно воскликнувший «не могу поверить, что родила и воспитала тебя я!» – так вот, когда моя мама, наконец, увидела его, она сказала:

– Теперь только я понимаю тебя, дочь...

Когда моя драгоценная сестра, мой старший товарищ и вездесущий зоркий глаз, всегда выручавший и прикрывавший, да в принципе сделавший эту мою «связь» возможной, но никогда не забывающий напомнить непутёвой мне о том, кто именно является чёрным пятном на репутации нашего семейства, простояла минут пять с открытым ртом и захлопнула лишь для того, чтобы спросить: «А где таких делают?», я поняла, что легко мне никогда не будет.

Даже папа – в высшей степени неприветливый и сухой человек, привыкший, чтобы честь отдавали ему, а не он кому-то – никогда на моей памяти не встречал и не принимал вот «так» Артёма.

Официальный статус «жены» очистил меня от всех грехов и амнистировал в моём лице достойного члена семейства. Гордости у меня не было, радости тоже: в душе росла и крепла тревога, потому